

КАЛИНИНГРАДСКАЯ РАБОЧАЯ ГРУППА "93 IN 39"
КЛУБ ПОЭЗИИ И АВТОРСКОЙ ПЕСНИ "АДЕЛАИДА"
И БРАТСТВО ПО ВОДЕ (АЛЬТЕРЫ ЛАЛАНГАМЕНЫ)

ПРЕДСТАВЛЯЮТ

А

В

Д

Ж

И

Г

А

М

В

И

А

И Т Е Р А Т У Р Н Ы Й

А Л Ь М А Н А Х

Н А Р О Д А З В Е З Д Ы

ВЫП. 54. ЭЛИАС ОТИС,
Ч. II (СТИХИ СТАРОЙ ЛАЛАНГАМЕНЫ)

Литературный альманах Народа Звезды

ЛАЛАНГАМЕНА

Вып. 54.

*Антология материалов 2002-2006 года
с корректурой и добавлениями.*

*Копирование и распространение всего журнала и его отдельных материалов
разрешено и приветствуется при условии ссылки на автора материала
и указания электронного адреса журнала (<http://apokrif93.a-z-o-t.com>).*

Сopyright:

- © Клуб поэзии и авторской песни
«Аделаида», 2002-2006;
- © Братство по Воде, 2002-2006;
- © Калининградская рабочая группа
«93 in 39», 2014;

а также авторы журнала:

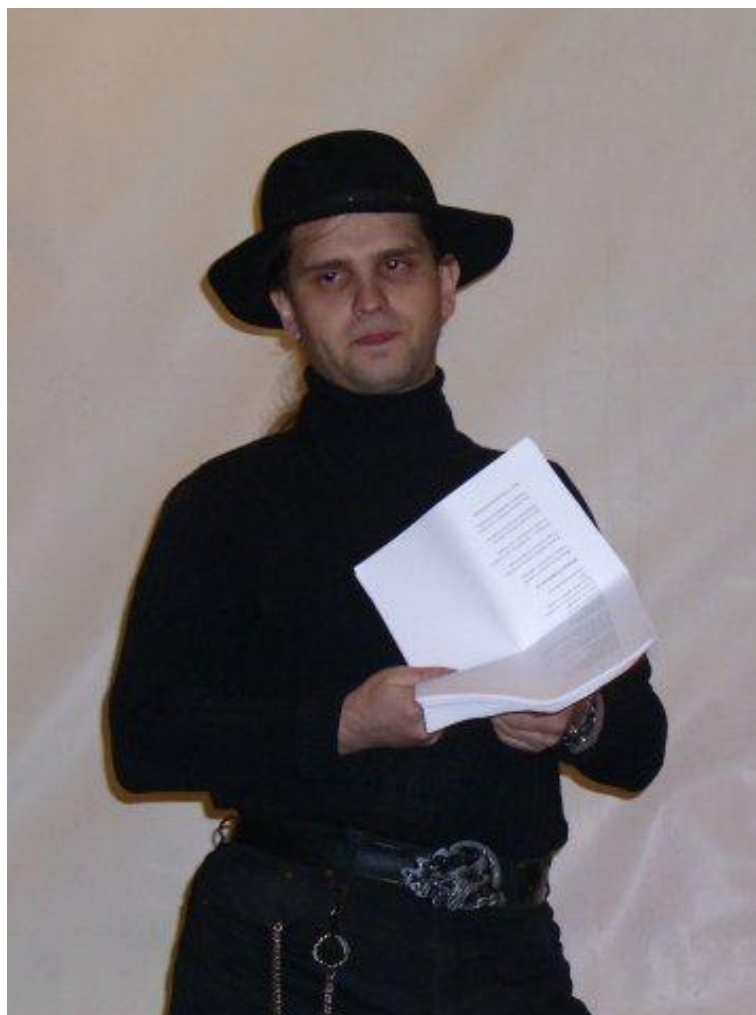
Элиас Отис, ч. 11
(стихи старой Лалангамены)

Algidus
(рисунок на обложке)

Редактор, корректор, верстальщик:
Fr. Nyarlathotep Otis.
236000 Калининград,
ул. Нарвская 17, 11.
<http://alther.narod.ru>
<http://apokrif93.a-z-o-t.com>
E-mail: 93in39@gmail.com

Глас Глас

(стихи старой Паланганы)

Беззвучной эльфийской походкой
Уходят солдаты на юг:
За пивом и тухлой селёдкой —
Творением собственных рук.

Беззвучны слова генерала,
Беззвучна команда «вперёд!»,
В зубах трепыхается сало,
Хрустит под ботинками лёд.

Уходят крутые ребята
Туда, где пощады не жди,
Туда, где под ствол автомата
Ложатся ночные дожди.

За летом притопает осень,
За мартом начнётся апрель.

478

Уходят за грани земель.

Творя непонятные бредни,
Диктуя строку за строкой,
Они не успеют к обедне
И нам не нарушат покой.

Почти не меняя походки,
Уходят солдаты на юг:
Подальше от тухлой селёдки —
Творения собственных рук.

Happy New Year

Я сегодня погиб на войне,
Получив разрывную в живот,
И теперь вот лежу в тишине...
Так и начался Новый год!

Не жалейте меня, господа,
Не пытайтесь меня оживить:
Я ушёл этой туда,
Где и дальше намерен жить.

Я увидел планету свою
Из заоблачных этих высот,
И теперь я лежу и пою...
Ни фиги себе, Новый год!

С Новым годом поздравьте меня —
И валите отсюда вы прочь:
Вы мне жить не давали ни дня,
Так оставьте мне эту ночь!

Я сегодня погиб на войне,
Получив разрывную в живот...
Вы скажите, пожалуйста, мне:
Разве это был Новый год?
HAPPY NEW YEAR!..

Ангмарский ветер

Ангмарский Ветер замёл дороги,
Срывая с неба тишину.
Лесные дети, седые волки
Печально воют на луну.

Они идут тропой снежной
И тянут песен звук простой,
И только тёмный лес безбрежный
Стоит над Троллистым плато.

Ангмарский Ветер тебе не страшен,
Когда тебе проложат путь
Ночные дети, лесные стражи, —
Ты их в дороге не забудь.

Но если ты, забыв законы,
Топор иль меч возьмёшь сюда,
Предсмертный крик сорвётся в стоны:
Ты мир покинешь навсегда.

Ангмарский Ветер и звезд осколки
Ведут вечерний разговор.
Лесные дети, ночные волки
Хранят здесь север Мглистых гор.

Астарта

Не видно финиша и старта,
Путей не резать полосой.
Идёт по городу Астарта,
Махая красною косой.

Вокруг текут пожаров реки,
Да тянется змея дорог.
При чём тут римляне и греки?!—
Лишь меч, да челюсти, да рог.

На нас наводит Один око,
Фемида бьёт свои весы.
Астарта бродит одиноко
И соскребаёт кровь с косы.

Багульник

Вновь повеяло багульником
И болотною прохладой.
Я всегда был богохульником:
Отпевать меня не надо!

Над озёрами и реками
Слышен шорох листопада.
Мы остались человеками
Посреди земного ада.

Запах сосен, запах свежести...
Где-то ждёт меня засада...
Мне твоей не нужно нежности:
Просто — будь со мною рядом!

Баллада о Геде и Йеводе

Эти драконы Имён своих не назвали.
К ним принесла волна волшебника Геда.
Только один летит, крыльев не опуская,
Словно ещё надеясь, что будет победа.

«Золотокрылый, ты держишься слишком гордо,
Как Орлангур из далёкой земли Эндор!
Вот мы и встретились, Йевод из древнего рода,
Вот мы и встретились, ящер острова Пендор!

Что до того, что ты не назвал своё Имя?
Или ты думал, твой голос меня обманет?
Что же, дракон, я пришёл — так начнём поединок
Магии Слов, Истинных Слов заклинаний!»

Как словно сердце бьётся родник хрустальный,
Как, напоённый запахом трав медвяных,
Ветер летит к побережьям пределов дальних,
Так песнопенье Йевода зазвучало:

«Пендор, о Пендор, сердце драконьего края,
Память твою хранят древние песни,
Племени древнего дети сбиваются в стаи,
Слава твоя через века воскреснет.

Не было равных Сегою — Властителю Судеб,
Не было равных драконам — хранителям моря.
Ложь и бесчестье несут в Земноморье люди,
Сея повсюду зёрна вражды и раздора.

Кровь короля Орма взывает к отмиценью!..»
Искажено лицо волшебника болью.
Губы, белые губы шепчут беззвучно: «Вспомни,
Разве была его смерть в этой битве первой?

Время драконьего племени веком покоя
Вы называете, славя драконов в сказаньях.
ваши дворцы в Земноморье оплачены кровью,
Мёртвым огнём в кладовых ваши камни сияют.

Прокляты те, что отвергли власть человека,
Кровью великих омыты сокровища Орма,
Сёла и пашни сжигает пламя драконов...
Длится война между нами от века до века».

Слово быстрее стрел достигает цели,
Песня острее клинка, что в сердце нацелен.
Молча ззмахнув крылом, покачнулся Йевод,
Но устоял, собрав последние силы.

Йевода песня вставала перед глазами
Светлым виденьем того, что кануло в прошлое,
О берегах земли, золотом тумане,
О куполах и серебряных шпилях Осскила,

О королевстве прекрасной Эльфарран и Морреда,
О неизвестных землях и сказочных странах, —
Звуки мелодии, как кладовые города,
Звонкие капли в серебряных чашах фонтана.

«О Лоу Торнинг, драконы твоих побережий —
Словно легенды моря, ставшие былью.
К северных островов берегам белоснежным
Их унесли отсюда жёлтые крылья.

Пусть не вернуться мне на прекрасный Осскил,
Древняя речь не исчезнет, покуда мы живы.
Если забыли о Земноморье боги,
Станет огонь драконов защитой миру».

Ветер летит из-за моря благою вестью,
Шепчут о свете и счастье морские волны.
Только поднялся вдруг Ястреб, и новая песня
Перед глазами сверкнула — клинок у горла.

«Осскила шпили стали от пепла серыми,
Плачут над морем чайки смятенными стаями.
Что могут сделать люди своими стрелами
Против разящего с неба драконьего пламени?

Пламя, как кровь, окрасило сильные крылья:
Славные подвиги ждут в Земноморье драконов!
Сломанные купола, кладовые и шпили...
Чёрными стали скалы твои, Лоу Торнинг!

Серыми стали жёлтые крылья драконов.
Ненависть в мудрых глазах — тёмное пламя.
К небу рванулись костры кораблей Короны,
Стоном ответило им горящее знамя.

Смерть отмечает ваш путь в морях Земноморья,
Смерть принесли с собою драконы ныне.
Древнее племя сразило многих героев,
Кровь Эррет-акбе на ваших когтях стынет.

Огненный ветер летит, обгоняя драконов.
Пеплом окрасились скалы твои, Лоу Торнинг!
Слёзы в глазах — или горькие брызги моря?
Нет приговора страшней, чем приказ: Помни!»

Отзвуки песни летят чередою за море,
Кровью застыли в горле неспетые песни,
Как бесконечно Йевод падает за мертво,
Как бесконечно роняет посох волшебник...

Баллада о Мече

*Почётной для викинга смертью
считалась смерть с мечом в руке.
Исторический факт.*

Я хочу умереть молодым,
Меч в холодных ладонях сжимая,
И с улыбкой понять, умирая,
Что так мало осталось другим

То, что я не успел, завершить.
Я живу, словно Волк Одинокий,
Длинношёрстый и зеленоокий,
Что не любит со Стаей ходить

Ни охотиться, ни на войну.
Не нужны мне Волчица и Стая,
Но хочу умереть, защищая
Свою Стаю — друзей и страну.

Я хочу умереть молодым,
Меч в холодных ладонях сжимая,
Умереть, улыбаясь, — ведь Стая
С Вожаком своим мудрым, седым,

Что придёт к полю боя за мной,
В битве с Псами, что живы остались,
Тоже дралась, в улыбке оскалась.
И сольётся Воинственный Вой

С чьим-то Воем Прощальным по мне:
Тихим, жалобным и — мелодичным,
И ещё — с ранним пением птичьим,
Что веками звучит по стране.

Я хочу умереть молодым,
Меч в холодных ладонях сжимая,
Умереть, улыбаясь — и зная,
Что противник растает, как дым.

Жить хочу я, как Горный Орёл:
Как свободная, вольная Птица,
Что над скалами молча кружится, —
И, когда враг коварен и зол,

Камнем броситься вниз, второпях
Забывая, что сила — в его стороне,
И погибнуть, сражаясь, в неравной войне,
Меч горячий сжимая в руках.

Я хочу умереть молодым...

Баллада Фенрира

Этот остров забыт, в океане затерян,
И луна не разбудит мой след.
И на острове этом в подземной пещере
Я прикован к скале сотни лет.

Я родился на севере, в логове злых великанов,
Самый младший из трёх, самый гордый и тихий из них.
Две сестры охраняли меня от вечерних туманов,
Когда после охоты я прятался в серой тени.

Мне луна подарила серебряный мех,
Я клыки получил от камней,
Океанские волны мне дали успех,
А в глазах моих — песня огней.

И резвился я, серый щенок, под луной,
И звезда надо мною светила.
И я бегал за синей прибрежной волной,
И она придавала мне силу.

Я был третий наследник Великого Локи
И глядел во все очи на свет,
И смотрели из Асгарда грозные боги,
Как я бегал по свежей листве.

Но богам напророчили норны мучительный жребий,
И над миром нависла тяжёлая тень Рагнарёк.
И дрожали деревья, как плод в умирающем чреве,
И светился огнём перекрёсток забытых дорог.

Нас тайком увезли из родной стороны
Одноглазому Богу на суд.
Мы стояли втроём, словно ждали войны,
Много долгих, тяжёлых минут.

Блики солнца поднялись над пиками гор,
Пробуждая в сознание тревогу,
И над всею землёй прозвучал приговор —
Приговор Одноглазого Бога.

Моей старшей сестре, молодой великанше,
Было отдано Царство Теней,
Чтобы спрятать от глаз человеческих дальше
Её среди безымянных камней.

А вторая сестра, Мировая Змея Средьземелья,
Была спрятана сворой богов в океанскую тьму,
Обвивая хвостом мировые хребты и ущелья,
Не давая пощады в чертогах своих никому.

Я был весел и чист, безмятежен и мил,
И в тот день приглянулся богам.
Бог Войны меня в замке своём поселил,
И во мне он не видел врага.

Но я рос, становясь всё сильнее и страшней,
И богов устранил я навеки,
И всё реже играть приходили ко мне
Волки Одина — Гери и Фреки.

Я выросел, и поднялся я вровень с горою,
Пред глазами узрев вечный снег.
Только Тюр, Бог Войны, побратался со мною,
И поклялись мы в дружбе навек.

Но приходит пора тяжело заплатить за свободу.
Боги в страхе собрались решать, как меня погубить.
Я не видел их лиц, но я точно уверен, что кто-то
Предложил им меня на железную цепь посадить.

Я читал я на Одина грозном лице
Только ненависть, злобу и страх.
Целый месяц ковали они эту цепь
В своей кузнице, скрытой в горах.

Принесли мне её, лишь успели сковать.
Были речи их странны и льстивы.
Предложили они эту цепь разорвать,
И её разорвал я игриво.

И в тревоге и ужасе боги смотрели
На обломки железной цепи.
В этот день не достигли они своей цели,
И огонь моих глаз их слепил.

Снова взялись они за кузнечное горное дело.
Третий месяц прошёл: вот и скована новая цепь.
Только снова позволил я цепь эту толстую смело
Нацепить на себя, очутившись в железном кольце.

Оглядевшись вокруг, я потрянул головой,
И железо упало у ног,
И отправил я к звёздам свой яростный вой,
Осознав, что уже не щенок.

Мне теперь была всякая цепь по плечу,
И Вальхалла мне сделалась домом.
Но идея пришла моему палачу,
Чтобы цепи сковали мне гномы.

И из горных корней, и из жилы медведиц,
И из шума кошачьих шагов —
Цепь, что тоньше и крепче, чем Дромми и Лединг,
И прочнее доспехов богов.

Заколдована цепь заклинаньем подземных чертогов,
Но гордыня моя оказалась сильнее ума,
И послушал я чёрную речь Одноглазого Бога,
Чтобы силой своею волшебные цепи сломать.

За свободу мою мне оставил в залог
Свою руку мой названный брат,
Пожелав мне в тот миг, чтоб я выполнить смог
Испытание Зла и Добра.

Осторожно сжимая предплечье в зубах,
Попытался порвать я оковы, —
Но узнал я про чувство с названием Страх —
И в отчаянье дёрнулся снова.

Хоть я помнил, что волю они обещали,
Но цена обещаниям — ложь.
Я своих палачей не просил о пощаде,
Мои зубы блестели, как нож.

Только боги смотрели, и взгляды их были жестоки,
И мой названный брат мне в глаза с сожаленьем глядел.
Зарычал я и вспомнил уроки Великого Локи,
Что учил не сдаваться врагам никогда и нигде.

Изо всей своей силы я челюсти сжал
И рванулся, рыча на богов,
Но один из них в пасть мне вонзил свой кинжал,
И почувствовал я свою кровь.

И меня приковали к холодной скале,
А скалу погрузили под землю.
Моим песням теперь вот уже сотни лет
Только камни печальные внемлют.

Только Тюр Однорукий в пещеру приносит
Каждый вечер питьё и еду.
И весной, и летом, и в зиму, и в осень
Я здесь крепну, и здесь я расту.

И я чувствую, как в моих мышцах рождается сила,
И я жду, чтоб свершить над богами священную месть.
Я хочу, чтобы каждому Волку свободы хватило,
Чтобы Вольный Народ от врагов защищал свою честь.

И когда мой отец протрубит Рагнарёк
И поднимется Серый Народ,
Луч луны не проникнет ко мне на порог,
И светило уже не взойдёт.

Я избавлюсь в то утро от этих оков,
Бросив взгляд свой на Сколля и Хати,
И по ржавым доспехам убитых богов
Побегут мои сёстры и братья.

Вавилон

Я содрал себе кожу
О тёрку травы.
Вижу в зеркале рожу,
С которой — «на вы».

Вместо мягкой ладони —
Железный кулак:
— Этот старче в короне —
Он полный дурак!

В битве средства и цели
Не будет побед.
Мой затылок — в прицеле:
Спасения нет!

И бояринских бород,
И царских корон
Полон сумрачный Город
Теней — Вавилон.

В ожиданье Мессии —
Всё те же слова:
Я читаю — «Россия»,
Читаю — «Москва».

Прочитай же молитву
Без лишних речей
По погибшему в битве
Поэту Ночей!

Варвар

Учти, я варвар. Благородством
не наделён. И скор в расправе
беззлобно. Я не вышел ростом,
но положение исправит

засадный бой и выстрел в спину,
удар ножа под белым флагом,
змея в дарах для господина
и яд, добавленный во флягу.

Я не жесток, бесстрашен сердцем,
и в беззащитных меч не целю.
Мне по душе такие средства
что доставляют ближе к цели.

Народ мой мал. На поединок
мы наберёмся сил нескоро.
Пускай не честь, а эффективность
решит меж нами наши споры:

я не приду. Не обессудь же,
когда, читая эти строки,
пыльцы смертельной запах лучший
вдохнув, падёшь на полдороги, —

прости. Я клятвою не связан,
а дома ждут жена и сёстры.
Пусть иноверский крест из вяза
украшит пыльный перекрёсток,

своей дорогой доберётся
твой конь в конюшни господина...
Оставляю мёртвым благородство:
ты проиграл свой поединок!

Ваши руки

Зачерпните в ваши руки горстку пепла:
Мне сегодня почему-то не до шуток.
Положите в эту землю моё тело,
Посмотрите ветру в сердце, я прошу вас!

Подставляйте ваши руки струям ливней,
Бросьте камнем сердце ветра в эти двери!
На дорогах заказных авиалиний
Много чисел, и одно из них — для Зверя.

Двери настезь: Бог простит и Бог рассудит.
Ваши руки не испачкаются кровью,
Если солнце не осветит вечер судеб,
Если вечностью тоска меня накроет.

Видно, город наш не создан для веселья,
Видно, мало в нём свободы и простора.
Ваши руки протяните мне из сердца,
Чтобы нам скорей покинуть этот город,

Чтоб всегда для нас играло сердце ветра
В синем небе да серебряные звуки, —
И посмотрим мы в глаза Судьбе и Смерти,
Чтобы Смерть не разлучила наши руки.

Век Ворона

Кабы сгинули вовремя
От бесстыдства и лени,
Нас вели бы три ворона —
Хугин, Мунин и Ленин.

Под крошечными флагами
Вспоминая о главном,
Бриллиантами плакали
Чёрной птицей двуглавой.

А потом, по квадратам
Площадей развороченных,
Подвенечными строчками
Расписались в утратах.

Окольцованы Родиной
С иноземными странами
Птицы-вороны Одина —
Одинокие странники.

И кружатся над скалами,
Города прометелив,
Остроклюво оскалены
На своих Прометеев.

Над игрой поколений
Усмехаются в бороды
Двухголовые вороны —
Хугин, Мунин и Ленин.

Ветви ивы

Ветви ивы колдовского цвета —
По ветру — как пена над волной...
Я не знаю верного ответа:
Мы с тобою не сошлись ценой.

Верба, вера, верность, вертихвостка...
Я — как в тире, смерть моя — от ран.
Ветер тени завоевает хлёстко
И ломает травы, как таран.

Бог янтарный тайный танец мира
Исполняет за вратами царств,
И поёт серебряная лира:
Рай — он полон ветра и коварств!

Что цари! — тираны или боги,
Все идут когда-то под венец.
Свет Нирваны, римские остроги,
Ветви ивы, стук людских сердец...

Светит над землёй Звезда Венера,
Переливчивая, как янтарь, —
Но звездой бога Люцифера
Называл его какой-то царь!

Я уйду в рай Евы и Адама;
В дебри рая мне ли не уйти?..
Я иду — упорно и упрямо:
Я иду — дорогу осветить.

Вечный город

Содрогнувшись, распался на части
Город, вскормленный грудью Волчицы.
Новой Эры святое начальство
На конях окровавленных мчится.

Мой Август твоего не августей,
Но и ныне, и впредь, — оттого ли
Кони — в яблоках, яблоки — в гусе,
Что слетел головой Капитолий?

Исчезай, побеждённый лесами,
Вечный Город, сколоченный громом,
Чтобы сдали последний экзамен
Каин, Сет и блистательный Ромул.

А пока — заповедные птицы
Тонких клювов вонзают иголки
В Город, вскормленный грудью Волчицы
И растерзанный лапами Волка.

Вирусы

Вирусы новой войны
Входят в горячую кровь,
Тают под светом луны,
Режут своих докторов.
Вирусы входят, смеясь,
Вирусы снова спешат
Землю вцарапывать в грязь,
Бросив на жало ножа.
Синее небо в огне.
Зелень лужаек в крови.
Мечутся робко в окне
Вирусы старой любви.
Воет наш лечащий врач.
Падают стрелы дождя.
Каждый четвёртый — палач,
Каждый второй — негодяй.
Вирусы ломятся в дверь,
Вирусы просят впустить,
Руша небесную твердь,
Режа чудесную нить.
Носятся стаи ворон,
Перьями грозно стуча.
Близится пир похорон,
Близится меч палача.
Плачут и просят весны,
Время срывая на свист,
Вирусы новой войны —
Вирусы старой любви.

Виток

Спираль завершит виток.
Пора подвести итог.

Мой мир на последний миг
Пред взором моим возник.

Печатая грозный шаг,
Поднимется флаг атак,

Под ветром вздохнёт, — и вдруг
Раздастся неясный стук,

Как будто свинцовый снег
Упал на обрывки век.

До слуха донёлся слог,
Что часто я был жесток.

До слуха донёлся крик,
Что я не всего достиг.

Я знаю, что это так,
Но в этом виновен враг.

Он ветер забрал из рук,
Солгавши, что он мне друг.

Виток завершён. Навек
Я падаю в вечный снег.

* * *

Во имя дней, судьбой назначенных,
И в память дремлющих под флагами,
Слезу пролили за оплаченных
И неотплаченных — отплакали.

Среди растерзанных, поверженных,
Под молний скорбными расколами,
Неверие в бескрылость першингов
Лишает белых крыльев голубя.

Под плач берёз, под шёлком звёздчатым,
Излом судьбы крылом подранковым
Сплетёт дорогу лёгким росчерком
От Арлингтона до Ваганьково.

Безумие восторгов матерных
Пестреет разноцветьем флаговым
Над мёртвыми. И только матери
Седеют цветом одинаковым.

Ворота Ада, Ворота Рая

Открытые двери Ада.
Замок на воротах Рая.
Но там, под землёй — стадо,
А там, в вышине — стая.

Закрыты ворота Рая.
Распахнуты двери Ада.
Ворота в Рай не пускают,
Но в Ад мне тоже не надо.

Мне все и везде будут рады,
Но долго ли — я не знаю.
Не надо мне больше Ада!
Уже мне не нужно Рая!

Алеет магма, пылая.
Мерцают в небе Плеяды.
Прогонят меня из Рая!
Сбегу я домой из Ада!

* * *

В стае белых ворон
я опять непростительно чёрен,
Среди пышных цветов
до сих пор подозрительно сер.
Золотое перо наточил я,
гагатовый ворон,
И свернул его
молотом Тора
в Изидовый серп.

Неказистые крылья
болят от синхронных полётов,
И охрипшие ноты
опять заплетутся не в такт.
Бог мой Локи,
на кой мне сдались
эти чёртовы ноты! —
Я ведь даже Свободу сумею услышать
не так.

Даже если,
рождённые ползать,
взметнётесь крылато,
Если станете
все как один
не такими, как все,
Буду зол и лохмат, —
и душа моя будет в заплатах, —
Буду выть песню молний
тебе,
новорожденный серп.

Глас из Пламени

Ты висишь на Кресте, распластав свои руки крылами,
И не можешь ответить, зачем согласился на смерть.
У тебя из-под ног вырывается быстрое пламя,
Словно это не ты сотворил первозданную твердь.

В этом пламени — я отпускаю грехи непорочным,
Чтобы было им не с чем вернуться в Потерянный Рай.
А тебя пригвоздили к Кресту так жестоко и прочно,
И кружат под тобой: «Кого хочешь, из нас выбирай!»

Я врываюсь в тебя, через смерть созидая и строя:
Я твой младший, я твой до сих пор не вернувшийся брат.
Я готов был уйти, я готов был умчаться из строя,
Но застрял на распутье тропинок меж Зла и Добра.

В моём сердце холодном извечно не сохнет осадок
Осознания того, что, в своей бесконечной игре
Не желая вести человечье безмозглое стадо,
Ты пошёл вслед за ними, себя обрекая на Крест.

Фарисеи молчат: им неведомы боль и усталость.
Не пройдёт и трёх дней, когда ты возвратишься назад.
А они — поклонятся тому, что от праха осталось, —
И повторно распнут, втиснув в тесный оклад образá.

Голгофа

Ворон каркнул над сырой землёй:
В ожиданье над Голгофой вьётся
Средь теней пустынного колодца,
Под Звездой Восхода золотой.

Гвозди вбиты намертво в Христа,
Рыжие от ржавчины и крови, —
Но о всепрощающей Любви —
Не о Смерти! — говорят с Креста.

Ворон чёрный улетает прочь.
— Совершилось! — говорит Распятый.
...Белым голубем, спускавшимся когда-то,
Дух возносится в сверкающую ночь...

Гонки за Бесконечностью

Всё повторяется снова и снова:
Хочешь Луну — а имеешь корову,
Надо — по небу, а выйдет — по морю,
Хочется счастья — а выпадет горе,

Звёздной тропой безликой толпою
Мчатся созвездия вслед за тобою —
В чёрном просторе, себя раззадоря,
Мчишься ты вслед за Единой Звездой.

Так продолжается ныне и присно:
Споришь и споришь с судьбою капризной,
Прячешься в норы от взгляда напротив,
Рвёшься из кожи по прихоти плоти,

Через века, сквозь пустыни и реки,
Чертишь хвостом заповедные треки,
В поисках дома из дома уходишь,
Чтобы домой не вернуться вовеки.

Видеть не хочешь в драконовой пасти
Скрытое в венчике лотоса счастье...
Миг... остановишься... Чувствуешь — воздух?..
Как же горят они, хитрые звёзды!..

Грустная песня

Грустные звери сидят за решёткой.
Грустные дяди питаются водкой.

Грустный трамвай подъезжает устало
К грустным воротам вагоновозала.

Грустно тусуются птицы на ветке.
Грустно искрятся в квартире розетки.

Грустная девочка с грустной улыбкой
Грустно ныряет за грустной рыбкой.

Грустной толпой плывут от кого-то
Грустные гиппопота-бегемоты.

В грустные эти часы и минуты
Грустно грустить мне, друзья, почему-то!

Заебали!!!

Заебали меня дискотеки,
Заебали меня разговоры,
Заебали озёра и реки,
Заебали равнины и горы.

Всё на свете меня заебало:
Птицы, звери, машины и люди.
Но осталось — ни много, ни мало:
Я,
 да Небо,
 да жизнь на блюде.

Занавес

Когда погаснет луч
надежды и стремленья
И занавес падёт
затмением с небес,
Тогда средь серых туч
всевышнего сомненья
Растает, словно лёд,
души дремучий лес.

Меня жалеть?! уволь!
Меня любить?! не надо!
Я уйду в поход
в Империю Чудес,
Когда затихнет боль
небесного фасада
И занавес падёт
Знаменем с небес.

Изгнанник

Отчего не глядишь мне вслед,
Жёлтый глаз Вожака седого?
Мне молчанье Волков — ответ:
Ни упрёка, ни взора, ни слова.

Отчего не зарылись в снег,
Вы, с кем я разделял добычу?..
По дорогам звериным бег —
И протяжные волчьи кличи;

Над лесами слепая ночь
С молодым ветерком играет...
Лишь Одна — повернулась прочь —
И покинула молча Стаю.

Испей меня

Испей меня по капле
Берёзового сока,
Цветастыми платками
Закручивая кокон.

Испей меня стаканом
Ладоней, ждущих ветра,
Когда взрастёт стократно
Росток чужого века.

Кидай меня руками
Под капель звонкий хохот,
Бессмертье обрекая
На жизнь последним вздохом.

Нырни в меня, как в реку:
Я буду рваться в струи,
Прохладный, словно стрежень,
И тонкий, словно струны.

Испей меня, как шёпот
Берёзового стяга,
Без брода веря в омут,
Наполненный чертями.

Кладбище Города

Гробы из металла.
Гробы из бетона.
Гробы на колёсах,
винтах и колоннах.

Гробы-великаны.
Гробы-лилипуты.
Гробы на недели,
часы и минуты.

Гробы всех размеров,
цветов и форматов.
Гробы для застойщиков
и демократов.

Гробы-коробки
и роскошные склепы...
Гробы безрассудны,
глупы и нелепы!

И в каждом гробы —
недосгнивший покойник:
Аскет и священник,
пират и разбойник.

В гробах с подогревом,
с кондиционером —
Живые скелеты
без Бога и веры.

Живые покойники —
мёртвые души:
Печёнки-желудки,
глазницы и туши.

На Кладбище Города —
камни надгробий.
Костяшки стучат
барабанною дробью.

Над Кладбищем Города
скрежет вороний
Звучит всё печальнее
и похоронней.

Надгробной плитой
 без креста и молитвы
Раскинулось серое
 поле для битвы...

...А где-то обходят большие поляны
В лесу антропоидные обезьяны,

И бродит мохнатое ламное стадо
В далёких серебряно-снеговых Андах...

А вы всё читаете вслух монотонно:
*«Гробы из металла.
 Гробы из бетона...»*

Отбросьте вы это ненужное чтиво
И сами подумайте:
 разве вы живы?

Девочка-коала
Плачет в зоосаде:
«Мама, я устала
Прятаться в засаде!

Мама, нам бросают
Грязные объедки!
Нас не выпускают
Из железной клетки!

А коале честной,
А коале вольной
В этой клетке тесно
И порою — больно.

Я хочу свободу
Подержать на лапах,
Ласковой природы
Чуя вольный запах.

Я хочу умчаться
В дальние просторы,
Я хочу забраться
На большие горы,

От людей подальше,
К облакам поближе,
Где и солнце краше,
И деревья выше,

Где живут коалы
Вольными стадами...
Мама, я устала!
Я не сплю ночами!»

Мама помолчала
И сказала:
 «Крошка,
Девочка-коала,
Погоди немножко.

Вот проснётся сторож,
Принесёт водички,
Защечечут скоро
За решёткой птички.

Нас накормят кашей,
Нос помогут с мылом, —
Сразу в клетке нашей
Станет просто мило!

Нам почистят в клетке,
Нас покажут людям, —
Целый день мы с ветки
Улыбаться будем!

А наш добрый дворник
Даст тебе конфету,
Ведь сегодня — вторник,
Ведь сегодня — лето.

Может быть, морковки
Принесут излишки...
Выкинь из головки
Глупые мыслишки!..»

А звезда сияла
И звала в дорогу
Девочку-коалу
К дальнему порогу.

Но закрыта клетка,
Дрыхнет сторож пьяный,
Тихо спят на ветке
Злые обезьяны,

И, поставив точку,
Мать уснула в будке,
Прижимая дочку
К волосатой грудке.

Когда мы откроем глаза

Когда мы откроем глаза, мы увидим лишь звёздную пыль,
Когда мы поднимемся вверх, мы увидим пустые ладони,
И нашу звезду унесёт благородный Адонис,
А наши сердца растворятся в потоке толпы.
Мы Чаши Светилен, что держат тугие столпы
До тех пор, пока на дороге рассыпаны звёзды.
Мы дети огня, наши сёстры — светила и воздух,
И наш перелёт никогда и никем не забыт.
Мы тени планет, уходящие с вечных орбит,
Мы видим восходы на красной холстине закатов.
Когда-то мы плакали вслух, — это было когда-то, —
Теперь же на наших глазах наше пламя рябит.
Мы прячем глаза за пустыми глазами судьбы,
Мы прячем звезду за широкой дорогой погони.
Когда мы откроем глаза, мы увидим пустые ладони,
Когда мы поднимемся вверх, мы увидим лишь звёздную пыль.

Кони Свободы

«Нам ли свободу
 граничить загоном?!
Нам ли дышать
 смадом конюшен?!
Вольные кони,
 безумные кони,
Кто из нас будет
 плети послушен?!» —

Жаром дышали горячие ноздри:
Кони бегут, закусив удила.
Полеми заснеженным ринулась остро
Чёрного тела стрела.

«Кто испытает
 мгновенье полёта?
Крыльев незримых
 перья расправим!
Быстрые кони,
 Кони Свободы,
Цокот копыт
 степи восславит!» —

Пылью клубилась земля под ногами:
Кони бросались в свободный полёт.
«Да не преткнётся копыто о камень:
Наша свобода придёт!

Ветер свободы свистит под ногами,
Бьют барабаном наши копыта.
Травы — под нами, небо — над нами,
Стены загона — забыты!!!»

.....

«Что мы увидели
 в этой свободе?..
Всё, погуляли..
 Что теперь будет?..
Мы не умеем
 бегать без сёдел:
Ну же! обратно!
 туда, где люди!» —

Так и плетутся под солнцем горячим —
Жрущие сено, ждущие воду —
В родные загоны понурые клячи —
Бывшие Кони Свободы...

Кто-То

Кто-то сказал: «Двери Рая открыты!..»
КТО-ТО, ты врёшь, подлец!
Только взгляни: на планете забытой —
Сотни гнилых сердец.

Где-то над нами сейчас почему-то
КТО-ТО совсем не рад.
Нет, чтобы крикнуть: «Сию же минуту!
Живо! Давайте! В АД!» —

КТО-ТО молчит, заливаясь слезами,
КТО-ТО совсем увял,
КТО-ТО, укрывшись от нас образами,
Что-то опять проспал.

Что же, пойти, разбудить мне КОГО-ТО,
Или — пускай храпит?..
Как-то и где-то какое-то Что-то
Снова сюда летит.

Как-нибудь с Чем-нибудь справимся снова,
Справимся как-нибудь!
Где-то на Небе Святая Корова
Млечный лакает Путь...

Тысячи лет КТО-ТО слёзы роняет
С Неба в виде дождей,
Звёздами глаз с небосклона сияя,
Смотрит он на людей.

КТО-ТО спустился лишь самую малость
С дальних своих высот.
КТО-ТО зачем-то какую-то жалость
Нам с высоты несёт.

Кто-то сказал: «Двери Рая открыты!..»
КТО-ТО, ты брешешь, гад!
Ну! прокричи окровавленно-сытым:
«Живо! Давайте!! В АД!!!»

Из Книги Иова

І. Глас из бури

Иов. 38: 4-41; 39: 1-30; 40: 10-19.

Где ты был, когда Я полагал основанье Вселенной?
Кто назначил ей меру и кто над ней руку возвёл?
Где находится камень опоры планеты нетленный?
Кто воздвигнул его в ликовании утренних звёзд?

Кто закрыл океан, чтобы берег он свой не покинул,
Когда Я, словно в платье, облёк небеса в облака
И сказал: «лишь доселе плескаться волнами своими», —
Дабы он не покинул вовеки свои берега?

Дал ли ты в своей жизни когда приказания утру?
Указал ли заре, где находится место её,
Чтоб она охватила весь мир предрассветной минутой
И стряхнула с земель тех, кто ночью проклятие вьёт,

Чтоб земля изменилась, как глина под твёрдой печатью,
Став похожей на пёстрый костюм пеленой облаков,
Чтобы отнялся свет нечестивцев, несущих проклятья,
Чтоб рука их навеки осталась под гнётом оков?

Нисходил ли ты в море, чтоб видеть морские глубины?
Открывал ли врата, за которыми прячется Смерть?
Обозрел ли широты земли и речные долины?
Объясни, если можешь! и если ты знаешь, ответь.

Где таится дорога к небесной обители света
И где место, в котором от солнца скрывается тьма?
Добирался ли ты до границы зелёной планеты?
Осмотрел ли миры, неизведанные для ума?

Велико ли число твоих дней? был ли ты предначален
И входил ли в хранилище града, снегов и дождей,
Что держу Я на смутное время войны и печали,
Что прольются когда-то на Землю — обитель людей?

По какому пути льётся свет и разносится ветер?
Кто провёл путь для молний и жёлоб для чистой воды,
Чтобы дождь насыщал и степные края на планете,
И пустынные земли, чтоб жизни не гасли следы?

Кто рождает росу и приносит небесные капли?
Чьё же чрево выводит на землю и иней, и лёд?
Воды мира замёрзнут и твёрдыми станут не так ли,
Как гранит, что хранителем чёрных уступов встаёт?

Кто выводит созвездья на их вековые орбиты?
Кто способен господство Небес утвердить на Земле?
Кто сумеет, воззвав к облакам, встать, водою сокрытым,
Гром и молнию взять и отправить их ветру вослед?

Кто дал мудрость сердцам и кто голову сделал разумной?
Кто способен в уме исчислять для небес облака
И удерживать неба сосуды без малого шума,
Когда пыль обращается в грязь и бежит по рукам?

Ты ли ловишь добычу для львицы и кормишь в берлоге
Львят её молодых, что от солнца скрываются в тень?
Ты ли ворону корм принесёшь в гнездовые чертоги,
Чтоб насытить птенцов, что о пище кричат целый день?

Где рождаются дикие козы и стройные лани?
Кто сумеет найти их укром и расчислить их срок?
Дети их убегают в огне первобытных желаний
И бегут по земле, не стараясь держаться дорог.

Кто отправил пастись на свободе степного кулана,
Чьим Я домом назначил от роду привольную степь?
Он смеётся в лицо городам, без кнута и охраны,
По холмам ищет пищу и в травах находит постель.

Пожелает ли инрог служить тебе верой и правдой
И приляжет ли он ночевать у яслей для скота?
Сможешь ли обвязать ему шею пеньковой удавкой?
Поведёт ли он плуг, не щадя своего живота?

Понадеешься ль ты на его неуёмную силу?
Предоставишь ли единорогу работу свою,
Чтобы зёрна ржаные в твои кладовые сложил он,
Чтоб не дал расклевать их кружащемуся воронью?

Ты ли дал красоту для павлина и страусу — перья?
На песке оставляет он яйца, не помня о том,
Что их могут тайком растащить полуночные звери:
Он жесток к своим детям, не зная, что будет потом.

Кто дал силу коню и облёк его голову гривой?
И способен ли ты испугать его, как саранчу?
Он храпит, и в храпенье ноздрей его — ужас игривый,
Роет землю ногой и идёт он навстречу мечу.

Он смеётся, когда над главою нависла опасность:
Лук звенит тетивой, и звучит, пролетая, копьё;
Он не может стоять при звучанье трубы громогласной,
Он бросает по свету весёлое ржанье своё.

Чьею волей летит над горами высокими ястреб,
Направляя к гнезду тонкопёрые крылья свои?
Он живёт на скале и свободно летает в пространстве,
Наблюдая оттуда цветные пейзажи земли.

Вот стоит бегемот, что траву словно вол пожирает.
Точно кедром, он вертит своим сухожильным хвостом.
Сила в чреслах таится, и мускулы чрева играют,
Жилы бёдер его обвивают колени винтом.

Его толстые ноги — как будто бы медные трубы,
Его кости — как прутья из стали, а лоб — как чугун.
Верховые болота кладут ему травы под зубы,
Он лежит в тростнике, что растёт на речном берегу.

Вековые деревья укроют его своей тенью,
Ветви ив, над ручьём наклонившись, дадут ему кров.
Вот он пьёт из реки, вот жуёт он верхушки растений;
Кто пойдёт на него и сумеет пролить ему кровь?

Кто велел выходить на орбиты извечные звёздам?
Кто велел рыбам плавать и к небу тянуться траве?..
Отвечай, если знаешь ответы на эти вопросы!
Я спросил у тебя; что ответишь ты Мне, человек?..

II. Левиафан

1

(Иов. 40: 20-27; 41: 1-2)

Вот Океан — Великий и пространный.
В нём тварям водным не сыскать числа!
В том Океане, В той стране туманной
Природа нам сюрприз преподнесла.

Там, где пути заказаны острогам,
Там, где дорог не знает капитан, —
Поставленный на царствование Богом
Игривый Дух Морей — Левиафан.

Бросая гордый вызов китобою,
Он безмятежен, весел и красив:
— Кто сможет вытащить Меня удою,
Верёвкою схвативши за язык?

— Кто сможет проколоть иглою челюсть
И вдеть кольцо во впадины ноздрей?
— Кто, проявив безудержную смелость,
Возьмёт в рабы Властителя Морей?

— Заставит ли Меня с оброком скоро
Прийти отряд отважных силачей?
— Кто сможет за словами договора
Дождаться кротких от Меня речей?

— Кто, забавляясь Мною, словно птицей,
Меня в оковах принесёт в свой дом?
— Какой купец в стремлении нажиться
Продаст Меня, пронзённого копьём?

— Кто голову рыбачьею острогой
Мне проколоть надеется в себе?
— Эй! китобой! броню Мою потрогай
Рукой своей — и помни о борьбе!

— Вперёд не будешь! и надежда тщетна:
Не упадёшь ли, глянув на Меня? —
Левиафан, Дракон Ветхозаветный,
Так говорил под бликами огня.

Но гордые речения и взоры
Всё уходили в сумрачный предел:
Нет на Земле отважного, который
Его покой нарушить бы посмел.

2

(Иов. 41: 4-16)

Вот Океан — Великий и пространный.
В нём тварям водным не сыскать числа!
В том Океане, В той стране туманной
Природа нам сюрприз преподнесла.

Там, где кипят веков водовороты,
Там, где бездонен синий Океан, —
Поставленный на царствие Природой
Прекрасный Дух Морей — Левиафан.

О красоте и силе лишь невежды
Не смогут рассказать своим гостям.
Кто подойдёт, раскрыв Его одежды,
К двойным молочнозубым челюстям?

Кто отворит лица Его ворота? —
Их сила — страх, и ужас — круг зубов!
Их свод темнее каменного грота,
Величественней сказочных садов!

Щиты брони Его — великолепье:
Один с другим, скреплённые, лежат
Так прочно, словно плиты в тёмном склепе,
Так плотно, будто ветер в них зажат.

Чихает Он — на небе свет мерцает,
Глаза Его — ресницами зари,
Из пасти пламень, искры вылетают,
Дымят котлом кипящим две ноздри.

Его дыханье раскаляет угли,
На шее — сила штормовых ветров,
И Ужас мечется пред Ним в испуге,
А взор Его прекрасен и суров.

Стальные мышцы извитого тела
Тверды, прочны, могучи и сильны:
Со дна морей в мгновение взлетело
Оно в простор с набегами волны!

Большое сердце, словно камень, твёрдо,
И жёстко, как гранит и жернова.
При свете вод задумчиво и гордо
Над синью вод чернеет голова.

3

(Иов. 41: 17-26)

Вот Океан — Великий и пространный.
В нём тварям водным не сыскать числа!
В том Океане, В той стране туманной
Природа нам сюрприз преподнесла.

Там, где пути в неведомые страны,
Там, где звучит таинственный орган, —
Поставленный на царство Океаном
Могучий Дух Морей — Левиафан.

Когда Он поднимается из Бездны,
Теряются от страха силачи:
Под натиском Рептилии Железной
Ломаются и копьё, и мечи.

Железо за солому Он считает,
Медь, словно пни трухлявые, гнила,
И отступить Его не заставляет
Дочь лука — закалённая стрела.

Ему и палица — невинная тростинка,
И камни пращные — засохшая плева,
Свист дротика — весёлая картинка,
Соломинкой — стальная булава.

Он на камнях лежит и отдыхает:
И ил, и камни — дом Ему и стол.
Кипящей мазью море обращая,
Он кипятит пучину, как котёл.

Он оставляет за Собой свеченье:
Светящий след под тёмною водой.
Под перекрестьем водного течения
За Ним и Бездна кажется седой!

Он сотворён бесстрашным и бессмертным:
Нет на Земле подобного Ему!
Чудовищем — морским, ветхозаветным —
Он навсегда остался потому.

На всё высокое Он смотрит смело,
И среди мрачной океанской Тьмы
Он, промелькнувший молнией белой, —
Он Царь над всеми Гордости детьми.

4

Вот Океан — Великий и пространный.
В нём тварям водным не сыскать числа!
В том Океане, В той стране туманной
Природа нам сюрприз преподнесла.

Там, под лучами чистого Денеба,
Там, в основании земель и стран, —
Поставленный на царствование Богом
Суровый Дух Морей — Левиафан.

В весёлой свите бога Посейдона,
В бездонном Океане Бытия,
Играет Он по собственным законам,
От моряков дыхание тая.

В своей игре над каменной глыбой,
Свернувшийся вокруг материков,
Левиафан гоняется за Рыбой,
Украшенной короною рогов.

Черна, свирепа, как гигантский манта, —
Глаза её горят, как фонари,
И от блестящих в чреве бриллиантов
Исходит свет пылающей зари.

Но кто способен в бешеном стремленье
Сопротивляться Властелину Дна?!
Под волн морских задумчивое пенье
Драконом поглощается она.

Храня Всеисцеляющее Древо,
Морской Дракон стремителен и скор:
Наверх и вниз, направо и налево
Бросает Он хрустально-чистый взор.

Но в час, когда Властитель Океана
Возьмёт зубами свой зелёных хвост
И тело мудрого Левиафана
Поднимется, как будто медный мост, —

Змей Мировой, что сотрясает Землю,
К последней цели совершит бросок,
И, голосу таинственному внемля,
Ответят тихо волны: Рагнарёк!

5

Вот Океан — Великий и пространный.
В нём тварям водным не сыскать числа!
В том Океане, В той стране туманной
Природа нам сюрприз преподнесла.

Там, где закрыты двери человеку,
Там, где любовь и ненависть — обман, —
Поставленный на царствие навеки
Великий Дух Морей — Левиафан.

1995/98

Меж двух миров

Кто идёт ко мне — друг или враг?
В Чёрной Бездне — чужие лица.
Сквозь Грядущее Прошлого мрак
Чародей разглядеть стремится.

Разлетятся в куски — только тронь! —
Две Вселенных — Единые Двери...
А на небе бушует огонь,
И режут человеки, как звери.

Дальний Берег сверкает кострами,
Но не ведом нам вечный покой:
Между Чёрным и Белым мирами,
Пламя Вечности, следуй за мной!

Мой Город

Мой почерк ровен, Город мой в огне,
Моя луна выходит из-за туч,
Моя звезда спускается ко мне,
И солнце мне пускает в сердце луч.

Мои стихи — поэзия ночей,
Мои слова — заточенный клинок,
Мой Город пуст в мерцании свечей,
А я один, но я не одинок.

В моих озёрах отдыхает свет,
В моих лугах колышется трава,
И в Городе моих хрустальных лет
Звенят, как капли, странные слова.

Мой взгляд укрыт от пламени ночей,
А кто-то вслед бросает взгляд не мне,
Но разум мой — по-прежнему ничей,
Мой почерк — ровен, Город мой — в огне.

Московское

Слишком разное,
 грязное,
 грозное
кольцевой паутиной метро
завлекает
 темница
 звёздная
в ненасытных ночей
 нутро.

Даже плач дождевой
 неискренен,
даже солнечный смех
 бескрыл.

Не видать
 звздопадов
 искровых;
не видать
 ни одной
 искры.

Сколько ярких звёзд
 искалечили,
сколько душ
 свели
 за собой
эти пики
 остроконечные,
в небо вбитые
 на убой!

Не резвятся здесь воды вешние,
не скрипят снега
 в январе.
Даже солнце с луной
 повешены
на столбах
 твоих
 фонарей.

Этот воздух
вплести
не пробуй
мне под кожу,
дурной стилист!
Я живу
посреди
Европы:
мне не нужно
других
столиц!

На Кресте

*Человеку Иисусу,
профору из Галилеи*

Всё так же ноют раны на руках,
И сухой поёт на перекрёстке.
Темнеет небо, как моя щека,
Подставленная для пощёчин хлёстких.

Приколота, жжёт над головой
Табличка, словно ценник на витрине.
Но время! время!.. — я найду покой,
И мой Отец меня да не отринет.

Сжимает сердце каверзный вопрос:
Доколе мне ещё возиться с вами?..
Но выдох, как ответ, безмерно прост:
О, Эли, Эли, ламма савахвани!

На смерть Поэтов и Композиторов

Ведь таким, как мы, умирать без следа — негоже.
Обернуться б, — да нечем глаза разлепить от снега...
Как же так — уходить, не оставив намёк прохожим
Нашу линию жизни найти по слепому следу?!

Так уходят Поэты. Так падает солнце в запад,
Осторожно коснувшись краем печного дыма.
Этим птицам, упавшим в небо, взглянуть в глаза бы!.. —
Но сердца, сожжённые болью, тоскливо стыннут.

Умирают — стократно, в мелодиях жёстких риффов, —
И закона веков секундами не исправишь, —
Оставляя тепло руки на ладони грифа,
На линованной смертью зебре рояльных клавиш.

Исчезают навеки, прожив сотни жизней разом,
Опускают глаза серебряным звездопадом,
Не допев до конца растревоженных улиц фразу,
Не дожив до начала пути по строкам горбатым.

Остаются — стихи, соловьиные трели песен,
Колдовское тепло перевитого радугой диска.
Остаётся — тяжёлый панцирь, что стал им тесен,
И — надежда: озябшую птицу в ладонях тискать.

Так уйдём же, оставив пустую тетрадь потомкам,
Чтоб слезами нот и кровью стихов их крыли,
И, пройдя от последнего вздоха по нити тонкой,
ВОЗВРАТИМСЯ НАЗАД, ОБЛАЧИВШИСЬ В ЦВЕТНЫЕ КРЫЛЬЯ.

На стол карты!..

На стол карты!.. Старая колода
Скрасит нам унынье серых дней.
Словно лики с голубого свода,
Лица дам, вальтов и королей.

Кто-то — из-за глупого азарта,
Кто-то — из-за старых медяков, —
Мы всю жизнь свою играем в карты:
В преферанс, в очко и в дураков.

Будет ли сегодня нам удача,
Никогда не сможем угадать.
Если проиграли мы, то, значит,
Завтра... можем снова проиграть.

Кто-то — стал вчера миллионером,
Кто-то — вновь остался без штанов.
Мы играем до скончанья эры
В покер... Но всё чаще — в дураков.

Нужен ум, но нужно и везенье,
А успех — тогда придёт к тебе.
Только бы не верить в сновиденья,
Не вздыхать ночами о судьбе.

Кто — достанет Пиковую Даму,
Кто — сёмёрки, тройки и тузов, —
Но играем — долго и упрямо —
До утра... Но только — в дураков.

На фи́га ты!..
(Гимн кендеров)

С сюрикеном в руке, с заострённым мечом меж зубами,
В виртуальной броне, а чаще, как правило, без,
Неизвестный для вас, я тихонько брожу между вами
И кендырю всё то, чем так славен наш маленький лес.

Для воров всех времён — я почти что живая легенда,
В новостях в кабаке — я всегда в криминальной строке,
Но для тех, кто с мечом — я пронырливый, маленький кендер,
И последний маньяк убегает топиться в реке.

На фи́га ты
Заклеил карманы заплатой?
Я, конечно, вернусь
И заплату тебе отпорю,
И карман своих брюк
Я наполню привычной зарплатой,
А вместо неё
В твой карман напихаю цурюк.

А пока царит ночь, часовые у стен спят спокойно.
На границах всех стран мы стоим от начала времён.
Мы великие воры, хотя и не лучшие воины:
В нашем тихом лесу мы бедны, как Великий Дракон.

На фи́га ты
Заклеил карманы заплатой?
Я, конечно, вернусь
И заплату тебе отпорю,
И карман своих брюк
Я наполню привычной зарплатой,
А вместо неё
В твой карман напихаю цурюк.

* * *

Не бичуй себя, не сожалей:
Я не знаю непреложных истин.
Крест мой твоего не тяжелей
И венок ни капли не тернистей,

Воду я в вино не претворю,
Не сгжусь я в родственники Богу
И стопой своей не проторю
Для заблудших верную дорогу.

Я не создан для Благих Вестей,
Жизнь мою поэты не воспели...
Но тебя — распяли на кресте, —
А меня — пока что не успели.

Обозримое Настоящее

Позади — обозримое Прошлое:
Непонятное, глупое, пошлое.
Дальше — Будущее обозримое,
Не всегда и не всеми любимое.
Но вокруг — лишь одно Настоящее,
Обозримое и леденящее.

Кто-то Прошлым живёт по инерции:
В Древнем Риме, Ассирии, Греции, —
Кто — о Будущем только заботится,
А сегодня живёт, как приходится, —
Но всегда — лишь одно Настоящее,
Обозримое и леденящее.

Те, кто в Прошлом — уже устаревшие,
Перестроиться не успевшие,
Те, кто в Будущем — быстро остывшие,
Всё, что было, давно позабывшее;
Но везде — лишь одно Настоящее,
Обозримое и леденящее.

О Вчера вам не надо печалиться:
Навсегда ничего не останется, —
Но о Завтра вы тоже не думайте:
То, что сказано, больше не сбудется, —
Ведь Сегодня — одно Настоящее,
Обозримое и леденящее!

Ой, растут Деревья
Из последних сил.
Феанор под ними
Чинит Сильмарил.

Чинит Сильмарил он
На беду Нольдор...
А проклятый Мелькор
Наточил топор.

— Ой, растут Деревья
На большом холме.
Балроги лихие,
Помогите мне!

Мы поедем в Валмар,
Срубим Деревя:
Нашему Ангбанду
Так нужны дрова!

— Ой, растут деревья —
Ну и пусть растут!
Нам без отопленья
Хорошо и тут.

Ничего не смыслят
Балроги в борьбе:
Может, волколаки
Подсобят тебе.

— Ой, растут Деревья
За стеной Пеллор.
Волки дорогие,
Едем в Валинор!

Там по Тириону
Бегают эльфы,
И для вас надолго
Хватит там жратвы.

— Ой, растут Деревья —
Что волкам с того?
Эльфы в Средиземье —
Тоже ничего!

Да и неохота
Нам за море плыть.
Лучше б тебе орков
Злобных пригласить.

— Ой, растут Деревья
И мозолят глаз.
Орки молодые,
Положусь на вас.

Эльфов перерезать,
Дерева срубить:
Надо в этом деле
Срочно подсобить!

— Ой, растут Деревья:
Не пойдём мы в путь.
Это освещенье
Нам не даст уснуть.

Так что мы не тронем
Эти Деревя,
Да и эльфы оркам,
Как-никак, братва.

— Ой, растут Деревья,
Что же делать мне?
Есть ли кто-то смелый
В этой-то стране?

Ой, стоят Деревья,
День и ночь стоят...
Надо б завалить их
Хоть с Унголиант!

— Ой, растут Деревья,
Свету — до фи́га.
Ну-ка, Мелькор милый,
Двинем на врага!

Ты Деревья срубишь,
Я сожру их свет:
Вся земля застонет
От моих тенет!

Ой, росли Деревья...
Больше не растут.
Грустные Валары
В Тирион идут.

Феанор в печали
Трубку закурил...
Но не дал Валарам
камень-Сильмарил!

Осколок Луны

И увидев себя в глади рек отражённым с нею,
Тонкой рябью печаль очей от луны сокрою.
Так щенок-переляк, свихнувшись зимой от снега,
Острым когтем срывает кожу с боков сутробьих.

А потом — мы пойдём, в две ладони кидая к звёздам
Брызги хрупкой реки, как осколки зеркал разбитых.
Так матёрая пара, срывая созвездий гроздь,
Опрокидывает луну, уходя на битву.

* * *

Отпускаю вас, птицы. Вам больше не знать тишины
Молчаливого края, где гость я, и гость незнакомый.
Позабыты грехи, и заслуги давно прощены.
И молитвы мои, и проклятья мои — вне закона.

Отпускаю вас. Что вам, крылатым, решётки темниц? —
Паутинки воздушные лишь, шелкопрядовы нити.
Их стократно прочнее — драконовой кожи ремни,
Что связали сердца ваши с тканью нездешних событий.

Ими скручено всё, ими стянуты ноги и крылья,
От звезды до звезды свои сети протянут они.
В них — Геенны огонь и убийственный лёд замогилья,
Что пленяет и рвёт, и ведёт, и зовёт, и пьянит.

Отпускаю вас, птицы. Вам негде укрыться от них,
От видений чужих, что берёте с собой, улетая,
И однажды меня, заплутавшего в скорбной тени,
Позовёте в свою безнадежно-счастливую стаю.

Памятник

Exegi monumentum...

Когда умру, меня не хороните
Вы на святой кладбищенской земле,
Но лишь костёр прощальный разложите
На чёрной отдыхающей скале.

И на огне пылающих столетий
В Ад не падёт, не устремится в Рай
Моя Душа — одна на белом свете, —
Оставшись созерцать печальный край.

И, по следам языческих традиций,
С костра в ночи на сорок долгих дней
Душа моя безмолвной чёрной птицей
Погонит чёрных над землёй коней.

Я Памятник себе нерукотворный
Воздвигнуть не стремился до весны, —
Но в день последний над травой сорной
Вы посадите семя от сосны.

И Дух, витавший сорок дней в тумане —
И сорок лет блуждавший по Земле, —
Войдёт в сосну на радостном кургане,
Растущую на прахе и золе.

На прахе праха, на могиле тела,
Сожжённого огнями и судьбой,
Стремительные возгласы и стрелы
Увлечены метаньем и борьбой.

«Нет, крест не ставьте: он не верил в Бога!» —
Заметит вам какой-то прохиндей.
На Чёрта — крест!.. — он выглядит убого!
Нет, я — сторонник до иных идей.

Плита? надгробье? — ни к чему квадраты:
Мне их при жизни видеть довелось!
Поставьте — камень, а на нём — две даты
(Они у вас не вызывают злость?):

Я жил от года семьдесят восьмого,
Но вот, прижил в две тыщи дцатый год, —
И миг налёт сомненья наносного
Я сбросил в пропасть, завершив полёт,

И лёг в курган, в росток сосны вселившись...
Вокруг — ажур решётки кружевной,
Внизу текут ручьи снегов отживших,
И синий лес за смоляной спиной.

Я в высь врастаю мачтою сосновой,
Раскинув ветви-руки над землёй,
Вдыхая ароматы жизни новой,
Укрывшись толстой бархатной корой.

Я поднимаю голову над лесом
И вдаль гляжу — в серебряную даль, —
Туда, где дым взвивается белесый
И навевает светлую печаль.

Вы! ходите? страдаете? живёте? —
Я вижу всё с подоблачных высот!
Душа моя в стремительном полёте
К небесным сферам ствол мой позовёт.

Мой Памятник — не тело из металла:
Мой Памятник духовен, весел, жив!
Кровь красная смолой янтарной стала,
А ствол изящен, строен и красив.

Сквозь хвойные, зелёные ресницы,
Когда плывут по небу облака,
Моя Душа к вершинам устремится,
За вами наблюдая свысока.

Три тыщи лет над тёмною скалою
Пробудет веток сумрачный покров! —
Но вот... Деревья — умирают стоя,
Коль их не сломят жала топоров.

Погибнет старый Памятник природы:
От топоров? от лет ли? от забот?.. —
Но дольше века кажутся нам годы
В низинах исторических высот.

Но не умру я: над Землёй летая
В своих стихах, романах, дневниках,
Я не вернусь назад — в земную стаю,
И не погибну в пыльных небесах.

Прибегнув к древним средствам чародейства
И снова обратившись в пыль и дым,
Вернусь домой заправским полтергейстом
На смену старым местным домовым.

А Памятник — он больше мне не нужен:
Пускай истлеет старая сосна!
Не выдержав злословия и стужи,
Пусть упадёт в забвение она!

Я — жив! а вы? — низвергнутые в Лету,
Отжили предназначенный вам век...
Я — Памятник, в безмолвие одетый;
И всё же, как и прежде — Человек.

Паук

В петле паутины — паук
С могильным крестом на спине.
Движение членистых рук,
Дыхание серых тенет,

Решётка из тонких цепей,
Сигналы в живых проводах,
Зловещие восемь огней...
Пусть жертву царапает страх!

Отравленный шприц хелицер,
Мохнатый пинцет педипальп
Отрежет хитиновый хер
И снимет хитиновый скальп,

Чтоб пищеварительный сок,
Проверенный тяжестью лет,
Живые консервы сберёт
На новый паучий обед.

Его не оставит успех:
В его серебристых сетях
Качнётся пчелиный доспех,
Спелёнатый, будто дитя.

А ночью, как старый Кощей,
Паук убегает уснуть:
Он прячет в зловещую щель
И брюшко, и головогрудь.

В петле паутины паук
Шевелится в утреннем сне:
С восьмёркой стремительных рук,
С могильным крестом на спине.

Перекрёсток Дорог

Перекрёсток Дорог. Три дубовых креста над горою.
Что рассвет, что закат, — не поймёшь из-за мраморных туч.
Только чёрное солнце стоит над усталой землёю,
Только чёрные воды сбегают с Израильских круч.

Перекрёсток Дорог опустел перед светлой Субботой,
И слезинки дождя серебрятся на среднем кресте.
Под цветущей смоковницей слёзы солёные кто-то
Дарит мёртвой земле, что уснула над грудой костей.

Перекрёсток Дорог, перекрестье мечей у охраны,
И корона у солнца блестит, как терновый венец.
Ливня тёплые струи омоют кровавые раны,
Кровь, и слёзы, и пот смоем с Сына скорбящий Отец.

Перекрёсток Дорог сотрясается мелкою дрожью
От биения сердца земли и от горестных грёз
О скрещении судеб Рождённых Любовью и Ложью
И о Небе, где светится тридцать серебряных звёзд.

Песочница

Уходи из нашей песочницы!
Это наши игрушки, кажется!
Признавайтесь! кому захочется?
Кто посмеет? и кто отважится?

Уходи! для тебя нет места здесь!
Мы слезами мозги наполнили.
Мы устали плыть в неизвестности:
Наши знаки — Звезда и Молния.

Уходи из песочниц Альтеров!
Ты не можешь играть с Душами!
Мы забыли, что было завтра,
Мы программы богов нарушили.

Уходи! твоё место — побочку!
Твой билет — с несчастливым номером!
Наших мыслей шальное облако
Уплывает болтаться по миру!

Письмо из Рая

Я пишу тебе письмо
с небесов.
Здесь закрыто всё дерьмо
на засов.
Здесь шныряет с топорком
Михаил,
А Христа он коньяком
напоил.

Здесь наслышаны про зло
из газет,
Но дороги развезло:
щебню нет.
Здесь закуска, как и честь,
дорога,
Но людёв — каких ни есть —
до фи́га.

Я живу и пиво пью
без хлопот,
Да псалмы ещё пою
круглый год.
А недавно заходил
херувим,
Так такое закатил!..
да хер с ним.

Я купил тут овощей
пожевать,
Так не хочется ваще
оживать:
Если б мне их наложил
общепит,
Я б ещё годок пожил, —
Бог простит!

И с погодой каждый день
благодать:
Солнце светит — даже тень
не видать.
Ветра нет: такая тишь,
просто стыд!
Даже высохший камыш
не шумит!

А с политикой тут прям
как в Аду:
Саваоф-старик упрямя,
на беду.
Мутит воду Михаил-
генерал:
Иисуса он споил
(я писал).

Рафаил хоть неумён,
но речист,
Гавриил хорош, но он —
анархист.
Впрочем, хватит про дела:
к чёрту их!..
Богоматерь родила
четверых.

От кого, не знает сам
Бог-старик:
Где они гуляют, там
плач и крик.
Три здоровых, а один —
как скелет,
Но нормальный, не кретин,
спору нет!

Иоанн-апостол дал
им коней
И сказал им: «Я вас ждал
много дней!»
Ну и Бог с ним: он всегда
был чужак,
Но не сделает вреда
просто так.

Вот и всё пока — ей-ей!
Не горюй,
За меня своих детей
поцелуй,
Не испытывай нужду,
не скучай!
До свиданья! Верю! Жду!
Навещай!

Пламенник

1

...ведь костры не должны умирать...

2

...нет дыма без огня,
но есть огонь без дыма...

3

...было бы солнце в небе,
было бы пламя в бездне,
был бы костёр на земле...

4

...дымом-пламенем курится,
и огонь не потух...
здравствуй, чёрная курица! —
я — твой красный петух...

Повороты сюжета

В голове моей пусто,
Как в дырявой корзине.
Я запутался густо
В бытовой паутине.

Сплю да ем, ем да сплю я,
Приземляюсь без взлёта
Под плевки чистоплюя
Из окна самолёта.

Мы уйдём, а за нами
Скоро кончится лето
Под тупыми углами
Поворотов сюжета.

Последний Ангел

Я — последний Демон Света,
Я — последний Ангел Тьмы:
Как снежинка среди лета,
Как цветок среди зимы.

На тропе своей житейской
Всё, что хочешь, воплоти!
Я — Мессия Галилейский,
Я — Антихрист во плоти.

Я — сожжённый за неверье,
Я — распятый на кресте,
Мои сёстры — в Люцифере,
Мои братья — во Христе.

Всё, что только ты захочешь,
Можешь спрашивать с меня!
Я — последний Ангел Ночи.
Я — последний Демон Дня.

Последний вопрос

Кто знает, сколько нам осталось лет,
Чтоб жить, смеяться, плакать и любить?
Не будет ли последним тот рассвет:
Увидел солнце — и порвалась нить?

Кто знает, сколько нам осталось лет, —
А может, дней, часов или минут?
Остановив движение планет,
Когда найдём последний свой приют?

Кто знает, сколько нам осталось лет
До плит, крестов, венков и чёрных роз?
Получим ли когда-нибудь ответ
На первый — и последний свой вопрос:
Кто знает, сколько нам осталось лет?

Потерянный Город

Город пуст. На четвёртой скорости
Я влетаю в открытую дверь.
В перепревшем, усталом хворосте
Разгорается пламя потерь.

Где-то плачут навзрыд старательно
Кирпичи тех седеющих стен,
На которых чернеют матерно
Отголоски забывшихся сцен.

Город пуст. Пролетают, зыряка,
Почерневшие стаи ворон
Над свинцовой, сумрачной дыркой
В позабытую темень времён.

В битых стёкол глазах заброшенных
Ослепительно дышит рассвет
На бетон газонов прокошенных
И асфальты прокрашенных лет.

Город пуст. По дороге ситцевой
Здесь не люди ломаются в дверь:
Это чёрно-красными птицами
Разрастается пламя потерь.

Поэзия

Поэзия должна быть оглушительной
Поэзия должна быть сногшибательной
Поэзия должна быть разрушительной
Поэзия должна быть созидательной
Поэзия для чуждых Поэтичности
структура с зарифмованными строчками
со странными намёками вторичности
с неправильно расставленными точками
она ковром асфальтовым расстелется
она умчится по дорогам млечности
она сверкает искрами метелицы
в сигналах отдаётся быстротечности
Поэзия волнуется и ширится
в историю вливается фонтанами
она с привычной прозой не примирится
как не станцуют орки с дунаданами
Поэзия должна быть независимой
Поэзия должна быть утончённою
неистойвой неправильной немыслимой
при всяком властелине запрещённою

Рождённый Ползать

Что-то есть во мне птичное,
Что-то есть червяковое,
Что наутро — отличное,
А под вечер — фиговое.

Что-то есть во мне мамино,
Что-то есть во мне папино:
Нечто вроде экзамена,
Что-то типа царапины.

С парой крылышек уточьих,
Да с уличьей подошвою,
С сотней маленьких будущих
Пробираюсь сквозь Прошлое.

Через сумерки поздние,
Через будни метания,
Я, рождённый для ползанья,
Выбираю летание!

Руны Аримана

1

Вечный странник на большой дороге,
Я уйду в неведомую даль:
В мир, где счастье будет — лишь немногим,
Остальным — тревоги и печаль.

Из Страны Мечты в Страну Обмана
Предстоит навеки мне войти...
Я — войду, — но Руны Аримана
Остаются на моём пути.

Кто-то скажет мне, что всё напрасно:
«Что тебе! не хочешь — не иди!»
Я ж, дурак, отвечу: «Жизнь — прекрасна;
То ли ещё будет впереди!»

Я устал уже, но, как ни странно,
Я с дороги не хочу сойти
И иду, а Руны Аримана
Остаются на моём пути.

Из страны безоблачного детства
Я войду в жестокий взрослый мир.
Мне от жизни никуда не деться:
Человек живой я, не вампир!

Я войду нежданно, нежданно:
Боже, все счета мне оплати!
Я иду... И Руны Аримана
На моём останутся пути.

(1994)

2

Вечный странник на большой дороге,
Я ушёл, куда — не знаю сам.
Я стремлюсь всю жизнь свою — о боги! —
К часовым далёким поясам.

Скажут мне: «Любимый мой, желанный,
Поскорее, милый мой, приди!» —
Я пойду... но Руны Аримана
Возникают на моём пути,

И тогда я вижу: всё в порядке,
Я один, мне хорошо и так.
Только — без ответа нет загадки,
Без ушибов не бывает драк.

Где-то снова зазвонят стаканы:
«Парень, третьим будешь? — подходи!»
Я пойду, а Руны Аримана
Снова встанут на моём пути.

Мне — шестнадцать. Жизнь ещё в начале.
Я живу, не помня о былом.
Из Страны Мечты в Страну Печали
Входят все — сейчас или потом.

О далёких я мечтаю странах,
До которых предстоит дойти.
Я дойду! И Руны Аримана
Мне помогут на моём пути!

(1994)

3

Вечный странник на большой дороге,
Я иду в серебряную даль.
Не болят натруженные ноги,
Не скрипит замшелая педаль.

Кто-то проликует мне осанну,
Кто-то мрачно вскрикнет впереди,
И лишь только Руны Аримана
Мне послужат светочем в пути.

Те, кто шёл со мною, повзрослели,
Может, поумнели, может, нет.
Мне поют не птицы по весне ли?
Мне кричат не тени ли планет?

За моей спиной — океаны.
Я бессмертен, как тут ни крути,
Потому что Руны Аримана
Облегчают тернии пути.

Надо мною — небо из картона, —
И любое горе — не беда.
Трёхреберник, роза, анемона,
Белена, багульник, лебеда...

Вздоргнут горы, если я устану,
Реки мне прочтут надгробный стих, —
Но лишь только Руны Аримана
Станут мне прибежищем в пути.

(1997)

4

Вечный странник на большой дороге...
Этот Путь — длиною в двадцать лет.
Не мягкосердечный и не строгий,
Миражей таинственных поэт.

Под эгидой Огненного Клана,
Под прямой защитой Девяти,
Золотые Руны Аримана
Вспыхивают звездами Пути.

Я людьми и душами играю,
Я воюю с миром и с собой.
Я не рад ни аду и ни раю,
Не уйду ни в Лету, ни в запой.

Верь мне: я не лягу и не встану,
Не спою зажёванный мотив.
Бронзовые Руны Аримана
Вспыхивают свечками Пути.

До Тебя — секунды или годы.
Впереди — ни море, ни ручей.
Я пишу не басни и не оды:
Я — Творец Поэзии Ночей.

Я не тот, кто сыплет соль на рану,
Я не тот, кто станет супротив.
Каменные Руны Аримана
Вспыхивают искрами Пути.

(1998)

Русалочка

— Что ты видишь, Русалочка, там, над поверхностью моря?
Может, ветер, свистящий мелодию мира и войн?
Может, берег, уже не подверженный счастью и горю? —
— Нет, Моряна! — прости мне, но вижу я — только *его*. —

— Что ты видишь, Русалочка? Может быть, ветви деревьев?
Может, птиц в небесах? или капли божественных вод?
Может, инрогов белых, что служат таинственной деве? —
— Нет, Моряна! — прости мне, но вижу я — только *его*. —

— Что же там, моя милая девочка, видно? — скажи-ка!
Может, снег, — и за снегом увидеть нельзя ничего?
Может, дивные звери? или воин с серебряной пикой? —
— Нет, Моряна! — прости мне, но вижу я — только *его*. —

— Как же так? Почему ничего ты не можешь увидеть?
Может быть, твои очи подёрнуты тенью любви?
Может быть, ты не хочешь смотреть на вертушку событий?
Может, просто — *не видеть, не слышать, не знать* — твой девиз?

Что случилось, Русалочка? Что же случилось с тобою?.. —
— Просто... Знаешь, Моряна, я просто вишу на крюке
(И от этого я через час иль свихнусь, иль завою),
А мой левый плавник он сжимает в могучей руке.

Он, Моряна, рыбак. Но от роду не видел русалок,
И глядит на меня, потрясая своей головой.
И поэтому, как бы он ни был нечёсан и жалок,
Ты прости мне, Моряна, но вижу я — только *его*.

Саошиант

Лишь тот, кто уподобится Всевышнему,
Способен сбросить прах к своим ногам.
Глаза блестят пронзительными вишнями,
Как вызов обезумевшим богам.

Прах к праху, глаз за глаз — и плоть от плоти он, —
Но, обернув хрустальность белизной,
Он выйдет, торжествующий, на подиум,
И укротит безмолвие весной.

Он свергнет окровавленными звёздами
Всех тех, кто небеса простёр окрест,
И сам себе провозгласит апостолов,
И сам себя произведёт на Крест.

И — пальцы в кровь, и — воду взять ладонями,
И — ветром в грудь, и небо — оземь, вниз:
Взорвать весь мир в мучительной агонии —
И снова всё создать, пойдя на риск,

И жить, и простирать свою торжественность,
И ждать на Небесах Святой Земли
Того, кто сбросит в прах слепую жертвенность,
Чтоб пламя Новой Веры запалить.

Середина

Золотая середина
От пелёнок до седин:
По лесам непроходимым
Стороной не проходи!

То ли буря мглою крыла,
То ли снег замёл следы...
Здравствуй, вестник сизокрылый
Окружающей среды!

Росчерк перьев бросил голубь
И полнеба открыл.
Ты теперь настолько голый,
Что сгодишься в короли.

Три непрожитые жизни,
Семь непрошенных смертей
Из турбины ржавой брызнет,
Тонкий обруч извертев.

Устремлюсь к небесной выси,
Захлебнусь в хмельном вине.
Я мечу словесный бисер
Перед ордами свиней.

Заратустра с Калиострой,
Заходите, посидим!
Это самый лучший возраст:
От пелёнок — до седин!

Сильмарили

Я снимаю корону Нолдоров,
Стоя напротив дверей,
И я вижу свежие дырки
На гладком её серебре.

И хочется плакать от боли
Или забыться во сне:
Где Сильмарили, которые
Так нравились мне?

Когда-то у нас были Камни,
Теперь у нас есть слова
Доказывать, что эльфы бьют эльфов,
Доказывать, что Арда мертва.

Мы все потеряли что-то
На этой безумной войне.
Кстати, где Сильмарили,
Которые нравились мне?

Я знаю: отныне наша свобода
Закрыта от нас на засов.
Я вижу: мы боимся ледоходов
И белых парусов.

Но если завтра начнётся война
И вся Арда будет в огне,
Мы погибнем без Сильмарилей,
Которые нравились мне.

Где Сильмарили,
Которые нравились мне?

Слабость

Слаб навязавший бой.
Слаб уходящий от боя.
Я не нашёл покой:
Нет на Земле покоя!

Нет на Земле Любви,
Нет на Земле Надежды;
Верою не зови
Каменных дум одежды!

Слаб опустивший меч,
Слаб, кто крушит и рушит:
Слабому не сберечь
Чистыми руки и души.

Так начинается день

Весело льётся утро.
Листья летят по ветру.
Кто-то читает сутры.
Кто-то стреляет с метра.

Падает снег с утёса.
Крысы находят мясо.
Кто-то посмотрит косо.
Кто-то наточит ляды.

Думаю, но не вижу.
В небе чернеет сажа.
Кто-то подходит ближе —
И умирает даже.

Театр

Вся жизнь — театр, и все мы в ней актёры,
Художники, поэты, режиссёры,
Писатели, уборщицы, суфлёры,
Статисты, операторы, гримёры,
Сантехники, электрики, монтёры,
Аристократы, лётчики, шофёры,
Учителя, контрабандисты, воры,
Убийцы, исполнители, планёры,
Бандиты, судьи, слесаря, шахтёры,
Пожарные, военные, лифтёры,
Доярки, трактористы, комбайнёры,
Артиллеристы, снайперы, сапёры,
Врачи, медсёстры, терапевты, лоры,
Бармены, покупатели, тапёры,
Официанты, няньки, полотёры,
Сержанты, подполковники, майоры,
Курсанты, асы, рокеры, стажёры,
Солдаты, самураи, матадоры,
Варяги, камикадзе, пикадоры,
Рабы, гребцы, быки, тореадоры,
Монахи, нищие, разбойники, обжоры,
Буяны, меланхолики, мажоры,
Мечтатели, фанаты, прожектёры,
Ревнителы, старатели, партнёры,
Премьер-министры, коммивояжёры,
Амиго, господа, месье, сеньоры,
Доброжелатели, парламентёры,
Любовники, супруги, ухажёры,
Гомункулусы, черти, мантикоры,
Добрыни, Муромцы, Алёши, Святогоры,
Горынычи, Кассандры, Черноморы,
Эолы, Арагорны, Дэнэторы,
Борисы, Глебы, Рюрики, Егоры,
Сократы, Демокриты, Пифагоры,
Уоргрейвы, Ломбарды, Веры, Блоры,
.....
Охотники, слоны и каскадёры.

Подумай сам: тебе решать,
Какую в жизни роль играть.

Третий-Лишний

Я всегда — Третий-лишний
На раскисшей дороге.
Эй, послушай, Всевышний!
Не нужны мне остроги!

Прошвырнусь по тропинке,
Пробежусь по дорожке, —
Здесь — цветные картинки,
Как в высотном окошке.

Эх, земные просторы!..
Ни конца вам, ни края!..
А чуть выше есть горы
И дороги до рая.

Подниму эскалатор
На небесную крышу,
Где сидит Пантократор, —
И — куда-то повыше.

Много в небе загадок:
Кто поставит тут точку?..
Наведу я порядок
У чертей-ангелочков!

Береги, Небожитель,
Оперенья и крылья:
Я теперь — истребитель
Всей святой эскадрильи!

Побуянню немножко, —
Мне такое привычно, —
И, присев на дорожку,
Убегу, как обычно,

На родные дороги,
Где я вновь — Третий-лишний...
До свидания, боги!
Спи спокойно, Всевышний!

УВЫ

Звон мечей. Перекрёсток дорог.
Сердца камень в свободной руке.
Я от жизни, увы, недалёк,
Я от смерти, увы, вдалеке.

Ни кинжал, ни стрела, ни слеза,
Ни ненужная злая любовь, —
Моя жизнь мне закроет глаза,
Когда смерть разогреет мне кровь.

Я глупее и старше не стал,
Поклоняясь трудяге-мечу:
Я от жизни, увы, не устал,
Да и смерти, увы, не хочу.

В этом диком, забытом лесу
Кто-то станет моим палачом:
Жизнь скрестила кривую косу
С чёрно-матовым смерти мечом.

И опять над землёй круговерть,
И опять бьют мне в спину дожди.
Позади — моя старая смерть,
Моя новая жизнь — впереди.

Фенрир Прикованный

Локи, дай же силы мне это пережить!
Лучше б, Один, приказал ты меня убить.
Но меня жестоко ты жизнью наказал,
Только приковать к скале цепью приказал.

Много лет отныне мне света не видать.
Я теперь совсем один: с кем же мне играть?
Голос, в вое сорванный, может, оживёт —
Только кто же эту цепь за меня порвёт?

Слишком страшен я для вас — велика вина:
За свободолюбие высока цена.
Душу мою волчью разрывает боль:
Смертью, Одноглазый бог, заплатить изволь!

Знал я, что, разгневанный, Один, ты жесток.
Чем же напугал вас так маленький щенок?
В оправданье мне своё нечего сказать:
Всё прочтёте, боги, вы у меня в глазах.

Если б, Один, знал, на что ты обрёл меня!
Без свободы Фенриру не прожить и дня.
Не попрыгать мне теперь и не поиграть.
То, что сохранил ты мне, жизнью не назвать.

Гордость не позволит мне за себя просить.
Может быть, удастся мне асам отомстить.
Может быть, удастся мне эту цепь порвать,
И тогда, великие, вам несдобровать!

Хелкараксэ

— Мама, мне больно! я больше не в силах бороться!..
Нам говорили — беда закаляет характер...
Мудрые верят, что скоро поднимется солнце... —
Но с холодеющих губ только стон:

Хелкараксэ.

— Холодно, мама! За что нас так мучают боги?..
Мама, поверь, ты же знаешь, я вовсе не плакса!..
Просто — не видно конца этой страшной дороги... —
Но с окровавленных пальцев лишь крик:

Хелкараксэ.

— Мама, я знаю: мы можем вернуться на Запад!..
Мама, мне больно! я больше не в силах держаться!..
Мама, скажи мне: мы скоро увидимся с папой?..
Но в помертвевших глазах только плач:

Хелкараксэ.

Чайка-По-Имени

Над пеной моря в небо синее
Врезался белый силуэт,
И два крыла сливались в линию,
Весёлый отражая свет.

На ураган покой свой выменяв,
Не Ливингстон, не Джонатан,
Он рвался Чайкою-По-Имени
Под брызг сверкающий фонтан.

Он плыл по небу легче «мессеров»:
Срывался вниз, взмывал к звезде, —
И так, что удивился б Нестеров,
Сплетал узор своих петель.

Он гордой птицей-буревестником
Хлестал восходы по щекам,
Служа оракулом кудесникам
И символом бунтовщикам.

Он не был лодырем и плаксою,
Мечтал о небе, риск искал, —
Но вот устал — и жирной кляксою
Уселся на отгрызки скал.

Его пригрело солнце жаркое,
Забыл он высшие миры
И бросился, визгливо каркая,
Вперёд — за потрохами рыб.

Толкая вширь крылами сильными
Подруг, детей и стариков,
Он окунулся клювом в пыль на миг,
Забросив в брюхо потрохов.

А после, с ожиревшей самкою
Уединившись на скале,
Он кушал пададь, клювом шамкая
Протухшей скумбрии скелет.

Светило солнце над утёсами.
В прибой капельках искрясь,
И перья глупой птичьей особи
Безмолвно опадали в грязь.

Черви и Черти

Мы пили, ели, —
Всего не счислить, —
И еле-еле
Пытались мыслить.

Мы грызли локоть,
Твердя «твою мать»,
И понемногу
Учились думать.

У нас едва ли
В чести бороться:
Мы познавали
Игру эмоций.

Любя итожить,
А не утюжить,
Мы жили тоже,
Хоть — неуклюже.

Мы волком были:
Достаньте, суньте...
Но мы ли, вы ли, —
Закончим в грунте —

В последней верфи,
И после смерти
Сожрут нас — черви:
Отнюдь не черти!

Чёрный Плащ

Я — фонтан
на холодной реке,
Закружившейся тёмной волной,
Я — вулкан,
я — трава на песке,
Я — вопрос, я — ответ, я — покой.

Я — звезда,
осветившая ночь,
Открывая дорогу заре,
Я — года,
пролетевшие прочь,
Я — корона и скипетр царей.

Я — олень
серебристых лесов,
Я — компьютер, зависший в сети,
Я — сажень,
я — закрытый засов,
Я — Геракл, я — Нептун, я — Сатир.

Я — ручей
наступившей весны,
Я красив, я суров, я блестящ,
Я — ничей,
я — проникнувший в сны...
Я —
Чёрный
Плащ!

Что такое ХОРОШО...

Кузьке (племянке)

Рита села на горшок,
И спросила кроха:
«Что такое *хорошо*
И что такое *плохо?*»

«У меня секретов нет, —
Говорит Волкашка. —
Вот тебе моя ответ
(Даже без бумажка)».

Если ты играла в мяч,
А попала в Мару,
Ни фигушеньки не плачь:
На, возьми гитару.

Пусть Зелёнкина она,
Не заплачет Зелень,
Коль гитаре — ни хрена,
А тебе — веселье.

Если книжки и блокнот —
В жертву Ариоху,
Даже это, ёшкин кот,
Ни фи́га не плохо.

*

Прекращай свою возню:
Что от скуки пухнуть?
Выбегай-ка на тусню
К нам скорей на кухню!

Там народ сидит всю ночь,
И глинта — по кругу.
«Вот так Нэлкина-то дочь,
Кузенька-подруга!»

Слопай с полки пирожок,
И — весёлой ночи!
Тусоваться — хорошо,
А грустить — не очень.

*

Кто там топит взгляд в вине?
Кто там спьяну бучит?
Это Мишка свой венец
Снова нахлобучил.

Дёрни дяденьку за ус,
Рюмку опрокинь-ка!
Передёрнет струны пусть, —
Нефиг молча дринькать!

По ведру побарабань,
Куклу разломай-ка!
Разбуди в такую рань
Катеньку и Майка!

У двери лежит матрас
Года два, наверно.
Мы сегодня — третий раз,
И они — не первый.

Так что, Кузя, о дитях
Брешут фарисеи:
Не приносят их в когтях,
Не с капустой сеют.

Слушай вздохи да слова,
Чтоб душой не зябла:
Будет кто-то целовать
И тебя, Кузябра.

Не волнуйся и влюбись:
Будешь тоже охать.
Это просто зашибись,
А совсем не плохо!

*

Волк сожрал все сухари,
И Онегин — в стельку.
Кушай кашу, Маргари,
И — бегом в постельку!

Взгляды-стрелы не мечи
В миску и пелёнку!
Кто сегодня обмочил
Олю и Алёнку?

Не реви — фигня-война:
Завтра будет утро.
Всё не плохо ни хрена, —
Даже очень круто!

Солнце глянет из ветвей,
Растопырив жабры,
И шепнёт тебе привет:
«Здравствуй, Крокозябра!»

*

В общем, Кузька, слухай здесь, —
Будет речь мой ясен:
Этот мир — каков ни есть —
Сам собой прекрасен.

Так что нефиг прятать взгляд,
Обоссав штанишки,
Если дяди говорят,
Как в дурацкой книжке:

«Мы, мол, старше и мудрей,
Мы тебя покруче.
Рита, мы тебя — не дрейфь —
Жизни ща научим!» —

Отвечай-ка: «В пень пошёл,
Господин дурёха!
Всё на свете хорошо,
Ни фи́га не плохо!»

Шабаш

Дьявол дико дарил дым дурным добрякам,
Дабы Демоны дивных детей допугали
До дурной дремоты да до дрожи. Для драм
Дети Древнего Дива дорогу давали.

Той тропой топал тернии Тойфель топча,
Тур таинственный тихо трубил трубадуром.
Три точёных трубы — тень того трубача:
Точно тонкие тросточки — трубочки тура.

Зеленела земля. Занимался закат.
Знать залётная Заводи Зла занимала.
Загорелась Звезда. Золотой Зодиак
Затуманил Защитник Заветного Зала.

Сколько славного света сверкает степям!
Сколь собралось сегодня сторонников Сета!
Сатана сообщает своим сыновьям
Сказки старых соперников странного света.

И иные изменники ищут изъян,
Устремляясь уже уличить Уриана, —
Аваддон, Асмодей, Ариэль, Ариман
Охраняют Общину от оных обмана.

Солнце село сиянием солнечных стран,
Сонной серости славы следы собирая:
Словно сны старомодные славных славян,
Сатанинское солнце стояло, сияя.

Звонкий Зов Знатока за землёю застыл.
Злой Зачинщик зияет Звездой Златоокой.
Змей Завета Зелёного Змия залил,
Завсегда закрывая зеницы зарокотом.

Толстой тушей толкая там тёрку травы,
Тур таинственный тот тихо тонет туманом.
Торжествуя, трубят три тяжёлых трубы,
Тойфель Тёмный торжественно тронут тамтамом.

Дети Дьявола, дайте дорогу для драм!
Дураков долговечных доспехи добейте!
Дайте, Демоны, души другим дуракам —
Добрым дурням двухсотого десятилетия!

Шао

Мой мир мне надоел.
Душа болит.
Пройдя тропу с лесами,
с озерцами,
я от всего уеду в Шао-Линь,
чтоб предаваться
самосозерцанью.

Там, где царят Дракон и мудрый Тигр,
пробудится мой Дух —
мой верный страж.
Я помогу туда ему прийти,
где сердце станет
пламенем костра.

Мой мир стал пуст.
А там,
куда приду,
Среди пяти
остроконечных кряжей,
Холодными атаками прядут
Ночные волки
утреннюю пряжу.

Там будет не до вин
и не до цен:
ничто не тронет
мраморную зыбь!
Останется в душе
безликий Дзен,
на теле —
только шрамы да рубцы.

Пройдёт десяток лет,
и, может быть,
я не пройду
свой Лабиринт Взросленья:
я лягу мёртвой грудью на шипы,
и первый шаг
окажется —
последним.

Я!

Мои стихи — Поэзия Ночей —
Просты, и как простое — гениальны, —
Как будто в тишине звенит ручей:
Не просто так, а — часть Реки Фатальной.

Я! избалованный потомок двух веков,
Не стану пить «Распутинскую водку»,
Катиться вниз под тяжестью оков
И рифмовать *скакалку* на *селёдку*!

Я! что прошёл Архей и Неолит,
Я! затерявшийся в просторах Современья,
Я! не безродный, но — Космополит, —
Я не подвержен смерти и старенью!

Смотрите, люди, это Я иду:
Не пропустите эту знаменитость,
Которая в трёхтысячном году
Ещё не канет в вечную Забытость!

Я! пережиток ядерной войны,
Переживу и все другие войны!
Я не погибну с гибелью страны,
Которая погибнуть недостойна!

Я говорю вам гордо: *Я!* Роман! —
Не тот роман, что полон сантиментов!
Я не погиб от ядов и от ран!
Я всё гляжу с плакатов и со стендов!

Смотрите! видите?! — Я на Земле живу —
И жить намерен не одно столетье!
Я как цветы себе ещё нарву
Всего, что есть — и нет на Этом Свете!

Вам не удастся сбить лихую спесь:
От Мексики до рек дальневосточных —
Всё оттого, что Я родился здесь —
Земля прославится на всех Путиях Молочных!

Меня не сторбят тяжестью грехов:
В Раю меня почётным встретят гостем...
А здесь... останутся лишь томики стихов
Про виноградные играющие гроздьи...

И, прочитав всё то, что написал,
В Валгалле Одину, я попрошу немного:
«Верни меня туда, откуда взял:
Я не прошёл ещё свою дорогу!»

Мои стихи — Поэзия Ночей,
И, не признав скрижалей Откровенья,
Не добежит мой маленький ручей
До устья Леты — Озера Забвенья.

Я уйду

Я уйду осторожно под вечер,
Чтобы утром вернуться опять, —
И погаснут холодные свечи,
И заплачет скорбящая мать.

Я уйду, когда стихнут фанфары,
Когда рухнет оваций стена, —
И погаснут лесные пожары,
И заплачет родная страна.

Я уйду, когда первые волны
Проберутся сквозь лёд по весне, —
И погаснут всемирные войны,
И заплачут земляне по мне.

Я уйду непонятно и просто,
Отряхнувшись от ржавых оков, —
И погаснут сверхновые звёзды,
И заплачет старик Саваоф.

Я уйду: меня быстрые кони
Унесут из кошмарного сна, —
И погаснет — звезда на ладони,
И заплачет, прощаясь — ОНА.